

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В.М. Озмитель

Рассматривается аспект межкультурной коммуникации в переводе для межкультурного диалога на материале русской поэзии Кыргызстана как области оригинального творчества и поэтического перевода.

Ключевые слова: диалог культур; переводческая компетенция; поэтический перевод: социокультурное пространство; функция перевода в межкультурной коммуникации.

Проблемы межкультурной коммуникации, как правило, рассматриваются в научной (а теперь и в методической) филологической и страноведческой среде с позиций исключительно преподавания иностранных языков или кросс-культурного менеджмента.

С другой стороны, универсальность и, одновременно, амбивалентность перевода как субкультуры общечеловеческого порядка [1] выражается в том, что он органично входит в другую подсистему культуры – в область сравнительного литературоведения [2, с. 257]. Естественно, нельзя сбрасывать со счетов блестящие работы В.М. Жирмунского, М.П. Алексеева, А.Ф. Лосева, Н. Конрада, С. Аверинцева, Н.Г. Неупокоевой и др., посвященные сравнительному изучению литератур, в которых были обозначены и изучены многие острые теоретические проблемы.

Так, В.М. Жирмунский одним из первых провел дифференциацию видов сопоставительного анализа, знание которых необходимо

в процессе перевода. Он выделяет: “1) простое сопоставление сходных литературных явлений; 2) сравнение историко-генетическое; 3) сравнение историко-типологическое, объясняющее сходство генетически не связанных между собой явлений сходными условиями общественного развития; 4) сравнение, устанавливающее связи между явлениями на основе международных культурных взаимодействий, обусловленных исторической близостью народов, культурными обментами между ними” [3, с. 76–77]. И хотя В.М. Жирмунский допускает взаимодействия не только на уровне сюжетов, жанров, стилей и т. д., он в то же время, анализируя эпосы разных народов, творчество поэтов разных национальностей, упор делает на сравнение и взаимодействие литературоведческих дефиниций.

Как известно, языковое общение реализуется в четырех видах языковой деятельности: *аудирование, говорение, чтение и письмо. Перевод* – пятый вид языковой деятельности, необхо-

димый для обеспечения возможности общения между людьми, говорящих на разных языках.

Задачи перевода в контексте межкультурной коммуникации отличаются от собственно переводческих задач, которые можно свести к двум моментам: к анализу эксплицитных, вербальных средств для установления словесно выраженных смыслов и к максимально полной их интерпретации. Задача последней заключается в выявлении и осмыслении в словесном обозначении смыслов, в раскрытии контекстуальных ассоциативных связей, эмоционально стилистических значений и языковых единиц.

Основная функция перевода в межкультурной коммуникации – *формировать новое социокультурное пространство*, ведь только на границе “расширения мира” рождается новое, происходит обогащение, расширение собственного культурного пространства.

Перевод, таким образом, становится внутренней потребностью, более того, осознанной необходимостью выхода творца за рамки своей культуры. Тогда и происходит межкультурное общение – общение не только двух языков, а прежде всего двух культур.

Истинное межкультурное общение состоит не в заимствованиях у чужих этносов и навязывании соседям навыков и представлений, а в самопознании. Самопознание, по мнению И.С. Трубецкого, есть средство борьбы с собственным эгоцентризмом, есть способ определить свое настоящее место в мире и для каждого человека, и для каждого народа. “Только от постижения своей собственной природы человек или народ путем углубления самопознания может осуществлять межкультурное общение” [4, с. 15], в результате чего и происходит “совместное держание времени”. И в этом дантовском понимании истории и связи с ней *только художественная литература через перевод представляет возможность разным временам и разным народам выступить современниками, приобщаясь к прошлому и будущему* [5, с. 83–91]. Благодаря этому рождаются идеи общечеловеческого братства, создаются новые формы бытия, происходит проводимость смыслов от культуры к культуре, от текста тексту, от “я” – к “ты”, от своего – к чужому.

Трудно не согласиться с В. Библером, что “каждая культура есть некий “Двуликий Янус”. Ее лицо столь же напряженно обращено к иной культуре, к своему бытию в иных мирах, сколь и внутрь, вглубь себя в стремлении изменить и дополнить свое бытие” [6, с. 127].

“Татары, узбеки и немцы / И весь украинский народ, / И даже приволжские немцы – / К себе пе-

*реводчиков ждет” – так Осип Мандельштам выразил состояние, представляемое как глубочайший нерв культуры: насильственное разъединение души (“Наши речи за десять шагов не слышны”) рождает “тоску по мировой культуре”: “А может быть, в эту минуту / Меня на турецкий язык / Японец какой переводит / И прямо мне в душу проник” – горько сетует поэт в период вынужденного молчания. Литература и художественное сознание само по себе есть реализация понимания того, что перевод это не просто языковое действие, но *репродуктивный акт коммуникаций.**

Известно, что одним из первых идеи о связи языка “с философией и народоведением” стал разрабатывать Вильгельм фон Гумбольдт. В статье “Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков” он писал: “Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различное видение ее” [7, с. 312]. Вот это “различное видение” одинаковых предметов и явлений и есть то, что отличает одну культуру от другой.

На глубинные связи языка и культуры указывает Г. Хойкер; по его мнению, сам по себе язык занимает большое место в том целом, которое называется культурой, что и объясняет многообразие духовных и материальных форм культуры. В подобных случаях, *когда у реципиента перевода отсутствуют соответствующие фоновые знания, дополнительной задачей переводчика становится сообщение этих знаний (эксплицитно и имплицитно).* Следует также учитывать тот факт, что коммуникативный фон в значительной степени связан с социальным поведением, а языковая компетенция является составной частью социальной компетенции.

Следует отметить, что в последнее время в среднеазиатской транслатологии понятие *компетентностного начала* рассматривается как необходимое условие культурного статуса переводческой деятельности. Первым (в СССР) об этом отчетливо заговорил эстонский исследователь П.Х. Тороп [8, с. 10–23], обобщивший позже свои идеи в книге “Тотальный перевод”; эти идеи активно подхватил и развил в работах 80–90-х гг. В.И. Шаповалов [9], а уже в последнее время в диссертационном исследовании “Художественный перевод как часть литературного процесса” С.Ж. Бурбекова посвятила этому целый пласт исследования [10]. И все же, несмотря на то, что во многих статьях и специальных сборниках проблемы коммуникации принципиально заявлены как доминирующая отрасль изучения [11], в конечном счете, в большинстве случаев

анализ сводится к выявлению способов и средств адекватного перевода культурных реалий с языка оригинала, но широкий культуuroобразующий контекст часто выходит за рамки исследований.

В какой-то мере исключением является статья А.Ю. Садофьевой “Культурно-бытовая деталь в художественном тексте”. На основе изучения системы культурных реалий в художественном тексте автор отмечает: “Под культурно-бытовой деталью мы понимаем элементы текста, отражающие культуру оригинала и обладающие функциональной значимостью. Культурно-бытовая деятельность может представлять собой реалии, зафиксированные в словарях, историзмы, лексические единицы широкой сферы употребления, получившие в определенную историческую эпоху дополнительное коннотативное значение, не зафиксированное в словарях, но известное носителям языка”. Исследователь выделяет пять групп культурно-обусловленных деталей, считая, что “культурно-бытовая деталь составляет самую большую и важную группу при описании быта и жизни общества” [12, с. 129–137].

В качестве блестящего примера коммуникативного общения, как средства выхода за рамки собственного национального опыта могли бы служить исследования Е. Эткинды [13]. Так, анализируя в свое время переводы европейской поэзии на русский язык в ретроспективном плане, ученый показывает, как в этом процессе формировалась техника русского стиха, заимствовались поэтические формы и жанры, обогащалась образная система и т. д. “Они (поэты-переводчики), – писал Е.Г. Эткинды, – впитывали все лучшее, что создавалось в иноязычной поэзии... искали возможности передать средствами своего языка и своего стиха самые различные стихотворные формы, ритмические и строфические. Они овладевали французским александрийским стихом, древнегреческим и латинским гекзаметром, итальянской октавой, немецкими и английскими балладными формами, итальянским сонетом, ритмикой испанского романса и южнославянских народных песен, античными загадками” [13]. Важно обратить внимание и на то, что исследователь, анализируя переводы, обязательно подчеркивает их творческий характер.

Анализ оригинальной поэзии талантливых русских поэтов, биографически связанных с Киргизией, – С. Фиксина, В. Шаповалова, С. Сусловой, М. Синельникова и др. – позволяет считать, что при наличии бикультурного пространства обе культуры так или иначе прорываются на страницы творчества, причем как в оригинальной по-

эзии, так и в переводческой работе. Наличие второго культурного кода (неясно, что тут относится к “первому”, а что ко “второму”) – не скрыть. Об этом говорит как поэт-переводчик и, одновременно, филолог-исследователь В. Шаповалов, который назвал одну из своих книг с парадоксальной точностью: “Соло на два голоса”.

Характерен и другой пример. “У меня, – писал В. Жуковский в письме к Н. Гоголю, – почти все чужое или по поводу чужого, и все, однако, мое”. Но переводная поэзия, даже близкая к оригиналу, становится национальной в обоих смыслах. Так, переводы К. Батюшкова, М. Лермонтова, В. Жуковского, А. Пушкина – это русская поэзия, как и стихи Аалы Токомбаева и Билима Карагулова в переводе С. Сусловой, Алыкула Осмонова и Жолона Мамытова в переводе М. Синельникова, Касыма Тыныстановы и Суюнбая Эралиева в переводе В. Шаповалова. Все это – феномены русской культуры, но, в то же время, и кыргызской. Художественную основу здесь верно, на мой взгляд, когда-то определил А. Локтев, утверждавший, что “русское и киргизское в поэзии Шаповалова – одно целое, естественное, любимое, не две половинки жизни, а просто сама жизнь” [14, с. 89]. Очень точно найденное слово: жизнь, культура, поэзию которой переводить, должна стать твоей жизнью.

В качестве примера приведем блестящий перевод стихотворения Салижана Джигитова “Осенний пейзаж”.

Тускнея, полегли некошеные травы,
Поодаль выцветает грустная стерня,
Седеющий камыш над серой отавой
Встал темною стеною, копытами звеня.
Как звонко зеленел ореховый кустарник! –
Редее, золотясь, ореховая сень,
И меркнут тополя в печали крон янтарных,
Долины и холмы поблекли в ясный день.
Разлуки желтый дым... Природа умирает.
И бронзовых дерев прощально темен взор.
И лишь урючина отчаянно пылает
Малиновым огнем – всему наперекор!
Быть может, так надежда вспышкой последней

В сознание, обреченном жизнью на уход,
Ворвется, плачущая, в этот мир осенний,
Заполыхает вся – и все вокруг сожжет.

В *репродуктивном* тексте перевода В. Шаповалов сохраняет ритмический и интонационный рисунок оригинала, и в то же время обращается именно к поэтике классической европейской элегии. Здесь видится пример решения культурологической задачи – передачи эмоционального

состояния лирического героя подлинника с ориентацией в переводе на европейские жанровые аллюзии (элегия) и, одновременно, на отражение национального мироощущения в описании природы киргизского Юга, щедрой, красивой и печальной (лексический ряд: *редет... сень; меркнут тополя; разлуки желтый дым; отчаянно пылает; вспышка последняя; сознание, обреченное... на уход; желтый мрак осенний*).

Другим поэтическим пространством встречи двух культур являются оригинальные стихи русских поэтов Киргизии. Их, как лакмусовая бумага, высвечивает то, чем для поэта является киргизская культура – декорацией, фоном или творческой лабораторией. Русскоязычная поэзия позволяет не только ответить на этот вопрос, но и проследить, как менялось восприятие и художественное воплощение реалий киргизской культуры и, самое главное, как менялось само творчество поэтов. Тем более, как точно заметил известный исследователь киргизской литературы Г.Н. Хлыпенко, “вне темы Киргизии нельзя представить индивидуальность многих русских поэтов”.

Для начинающих авторов обычно главный эстетический объект изображения – природные красоты: поэзия носит описательный характер, глаз поэта как бы скользит по поверхности, выхватывая яркие, необычайные этнографические или географические особенности: “*В самую раннюю рань / Я выхожу из дома. / Вижу снежные горы твои, / О, мой Киргизстан!*”.

Это стихи начинающего в 60-е гг. прошлого века поэта и журналиста Леонида Дядюченко. Подобные опыты, как правило, были характерными для молодых поэтов: “*Ни гипнотический полет орла, / Ни табуны у родников соленых, Ни голос трав на пастбищах зеленых / Не заслонят мне русского села...*” (В. Шаповалов, 1976). Время формирует внутреннюю потребность “вживания” в другую культуру, и творческое ее освоение вначале, видимо, происходит в форме диалога-сопоставления двух культур: родной и “чужой”. И сам процесс “врастания” – не прост и не легок. Сошлемся на классическое стихотворение С. Фиксина “Слово о Киргизии”: “*Друзья узнали первым делом / О чем пишу, куда гляжу, / И почему душой и телом / Иным краям принадлежу. / Иным – равнинным и озерным, / Лесным, болотным и грибным... / Прекрасен край, сухой да горный, / Но как назвать его родным?*”. Но “потом приходят чувства новые”, “иная любовь”, и все это значительно обогащает его собственную поэтическую палитру: вместо изображения внешних черт приходит понимание внутреннего родства.

Таким образом, можно констатировать, что и на евразийском пространстве происходит переориентация проблематики исследования перевода, в том числе художественного, именно в сторону “межкультурного диалога”. Неслучайно в последнее время пришло новое понимание того, что художественная литература по сути своей является специфическим и действенным средством межкультурной коммуникации – и в этом смысле должна стать предметом изучения.

Литература

1. Шаповалов В.И. “Манас” и Россия. Взаимодействие двух культур в процессе поэтического перевода // Шаповалов В.И. Контексты перевода: статьи разных лет. Бишкек, 2004.
2. Тонер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М., 2000.
3. Жирмунский В.М. Народный героический эпос: сравнительно-исторические очерки. М.; Л., 1962.
4. Трубецкой И.С. История. Культура. Язык. М., 1995.
5. Гаспаров М.Л. Стилистическая перспектива в переводах художественной литературы // Babel. International Journal of translation. 1983. № 2 (Vol. XXIX).
6. Померанец Г. Диалектика культурных миров. Лики культуры: Альманах. Т. 1. М., 1995.
7. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985.
8. Торон П.Х. Процесс перевода и некоторые методологические проблемы переводоведения // Типология культуры. Взаимное воздействие культур: труды по знаку. системам. XV. Тарту, 1982.
9. Шаповалов В.И. Контексты перевода: статьи разных лет. Бишкек, 2004.
10. Бурбекова С.Ж. Художественный перевод как часть литературного процесса (на материале русских переводов западноевропейской и казахской литературы). автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2011.
11. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации и перевода: материалы междунар. конф. Алматы, 2001.
12. Садофьева А.Ю. Культурно-бытовая деталь в художественном тексте // Вестник Московского ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып. 2. М., 2008.
13. Эткинд Е.Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973.
14. Локтев Н.Ф. Многообразие жизни и гражданская позиция поэта-современника // Лит. Киргизстан. 1985. № 10.